

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ
ВЕК
БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

издательство
АСТРЕЛЬ

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об этой книге	5
Слова благодарности	7
<i>Александра Борисенко</i> Золотой век британского детектива	9

Дж. С. ФЛЕТЧЕР	39
Показания судьи	41
Рой ВИКЕРС	53
Образцовая подделка	56
Г. К. БЕЙЛИ	71
Длинный курган	73
Эдгар ДЖЕПСОН и РОБЕРТ ЮСТАС	95
Чайный лист	97
АГАТА КРИСТИ	115
Изумруд раджи	118
Пуаро и родосский треугольник	131
Дж. Д. Х. КОУЛ и МАРГАРЕТ КОУЛ	153
У телефона	155
Энтони БЕРКЛИ	173
Карающий случай	175
Г. УОРНЕР АЛЛЕН	193
Вино кометы	195
Рональд А. НОКС	207
Методом пристального взгляда	209
Лорд ДАНСЕНИ	221
Две бутылки приправы	223
Лоэль ЙЕО	235
Дознание	237
Дороти СЭЙЕРС	255
Убийство в Пентекост-колледже	258
Толбойз	268
Генри УЭЙД	287
Пропавший студент	289
ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС	303
Железнодорожный переезд	305
Найо МАРШ	317
Смерть в эфире	319

Лесли ЧАРТЕРИС	343
Человек, который любил игрушки	345
Уилл Скотт	361
Голубая улика	363
Г. К. ЧЕСТЕРТОН	377
Деревенский вампир	381
МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ	399
Старик в окне	401
Сирил Хэйр	421
Загадочная смерть Эми Робсарт	423
Э. К. БЕНТЛИ	445
Настоящий табар	447
Ангел-хранитель	463
Николас Блейк	477
Клуб убийц	479
Дэвид Винзер	489
Убийство накануне регаты	491
Ричард Кеверн	503
Железное алиби	505
КАРТЕР ДИКСОН	521
Дом в Гоблинском лесу	523
Джозефина Белл	543
Смерть в больничной палате	545
Николас Бентли	553
Бдительный ювелир	555
Энтони Гилберт	563
Черный — цвет невинности	565
А. А. Милн	573
Хлеб по водам	575
Алан Томас	583
Сила привычки	585

КОММЕНТАРИЙ*

От войны до войны: "длинный уик-энд"	595
Дворецкий и другие слуги	596
Загородный дом	601
Столичная жизнь	607
Мир иллюзий	616
Иностранцы	619
Дела семейные	625
Оксфорд и Кембридж	633
Англиканская церковь	641
Мода на археологию	650
Медицина	657
Морские купания	666
Транспортная революция	672
Орудия убийства и технический прогресс	678
Детектив и громкие преступления века	682
Клерихью и поэзия нонсенса	690
Шерлок Холмс	697

ГЛОССАРИЙ

.....	704
Список иллюстраций к рассказам ..	723
Литература	724

* Осторожно: в комментарии могут быть раскрыты сюжетные ходы некоторых рассказов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

T55

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Научные редакторы: Александра Борисенко, Виктор Соськин

T55 **Только не дворецкий.** Золотой век британского детектива : новеллы / Пер. с англ.; Составление А. Борисенко, В. Соськина. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 728 с.

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

Золотой век британского детектива — это Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс; это автор "Винни-Пуха" А. А. Милн, поэт Сесил Дэй-Люис, а также множество других очень разных и оригинальных авторов, многие из которых совершенно неизвестны русскому читателю. Все они принадлежали к одному кругу, общались, дружили и превратили написание детективов в увлекательную интеллектуальную игру. Они создали Детективный клуб с целой системой правил и ритуалов, сочиняли коллективные описания и пытались разгадывать реальные преступления. Все это легкомысленное, веселое творчество пришлось главным образом на двадцатые–тридцатые годы XX века — мирный промежуток между двумя страшными войнами. Тревожная, бесшабашная, ностальгическая эпоха застыла в детективных рассказах, словно муха в янтаре, — читателю остается лишь перевернуть страницу и погрузиться в этот интереснейший мир. Книга проиллюстрирована рисунками из журналов 1920–1930-х годов, снабжена предисловием, комментарием и глоссарием в картинках.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

- © А. Борисенко, В. Соськин, составление, научное редактирование, 2011
- © А. Борисенко, предисловие, 2011
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Соськина, перевод, комментарий, глоссарий, 2011
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО "Издательство Астрель", 2011
Издательство CORPUS®

Марджери Аллингем

1904–1966

Перевод и вступление Алины Курьшевой

МАРДЖЕРИ Луиз Аллингем родилась в Лондоне, но вскоре после ее рождения семья переехала в провинцию, в графство Эссекс. Дом журналиста и писателя Герберта Джона Аллингема был всегда открыт для собратьев по перу, а маленькая Марджери начала обучаться литературному мастерству уже на седьмой свой день рождения, когда ей выделили собственный рабочий кабинет. Родители серьезно относились к образованию дочери. Три года она училась в школе Эндслей-хаус в Колчестере, затем в школе Перса для девочек в Кембридже, а завершила образование в Политехническом институте на Риджент-стрит в Лондоне, где изучала сценическую речь и драму. На этом настоял отец — он верил, что сцена излечит ее от заикания и снобизма, и, по всей видимости, его надежды оправдались.

К восемнадцати годам Аллингем уже активно писала рецензии и рассказы, а первый ее роман вышел в 1923 году. Своего будущего мужа, Филиппа Янгмена Картера, она встретила в институте — одаренный и энергичный юноша изучал там живопись. Оказалось, что у отца Марджери был роман с матерью Филиппа, когда они оба учились в Кембридже; они даже были помолвлены, но помолвка

MARGERY ALLINGHAM

расстроилась. Отношения Филиппа и Марджери оказались прочнее — они поженились в 1927 году и прожили вместе всю жизнь.

Первое время Марджери подрабатывала тем, что превращала немые фильмы в романтические повести, которые потом печатались в газетах. Но вскоре необходимость в этом отпала — детективные романы принесли ей успех. У них с мужем образовался своего рода творческий союз: Филипп Картер создавал обложки и иллюстрации к ее книгам, помогал жене придумывать сюжеты и даже написал несколько детективных рассказов.

Сама Аллингем делила свою писательскую деятельность на две части: все, что приносило ей радость творчества, она “писала правой рукой”, а все, написанное ради заработка, отводилось “руке левой”. Хотя по делам семейной пары приходилось много времени проводить в Лондоне, жизнь там казалась Аллингем тяжелой обязанностью, и настоящим домом для нее всегда оставался Д’арси-хаус в родном графстве Эссекс, к которому она на всю жизнь сохранила самые нежные чувства, — супруги купили этот дом в 1934 году. Именно там она создала все двадцать пять “праворуких” романов, а во время войны, когда Филипп служил в армии, уехала туда — в самую уязвимую часть страны — и проявила редкостную стойкость и патриотизм, заботясь об эвакуированных из Лондона. Несмотря на жизнерадостную натуру и творческое признание, в жизни Аллингем были тяжелые периоды. В 1940 году у нее нашли заболевание щитовидной железы, к началу 1950-х ее уже несколько раз приходилось госпитализировать. Умерла она в 1966 году от рака и была похоронена на кладбище церкви Святого Николая близ ее дома в Эссексе. Филипп закончил за нее недописанный роман.

Марджери Аллингем справедливо считается одной из четырех “королев детектива” наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Аллингем, вступившая в 1934 году в Детективный клуб, считала, что детективный роман — это ящик, в котором четыре стены: убийство, загадка, расследование и правдоподобное решение. Только под защитой этих стен она чувствовала себя уютно — жанр определял логику и рамки, в пределах которых ее фантазия вольна была добиваться достоверности. Ранние произведения Аллингем отличаются красочностью, более зрелые — глубиной психологизма. Именно внимание к личности, предвосхитившее рождение психологического детектива, стало самым важным ее вкладом в сокровищницу жанра. От книги к книге мастерство Аллингем полнее всего проявилось в раскрытии личности Альберта Кэмпiona — сыщика-аристократа, человека кристальной честности.

В своем творчестве Марджери Аллингем всегда шла в ногу со временем, изобретая, рискуя и совершенствуясь.

МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ

Старик в окне

Только что назначенный суперинтендантом Станислав Оутс совсем не был пьян, просто, как и подобает человеку, празднующему важное продвижение по карьерной лестнице, он находился в отличном расположении духа, и мистер Кэмпцион, который сидел напротив него за столиком в углу мясного ресторана, с интересом наблюдал перемену в своем обычно молчаливом друге.

— Я теперь в таких чинах, что могу мемуары писать, когда на пенсию выйду, — сказал вдруг бывший инспектор с неожиданной откровенностью. — У меня получилась бы первоклассная книжка, если бы кто-нибудь за мной записывал. Мы, профессио-

налы, с чем только не сталкиваемся, такие бывают интересные штуки — вам, любителям, и не снилось; да вы и не привыкли замечать мелочи. Вот сегодня попало мне кое-что весьма любопытное. Большой бизнес — это поразительная вещь, Кэмпцион. Какие возможности для преступника! Вы слышали когда-нибудь об акционерном праве?

Мистер Кэмпцион ухмыльнулся.

— Сейчас все о нем услышат, — добродушно отозвался он, заметив, как громко зазвучал голос суперинтенданта. — Кажется, вы утверждали, что здесь по вечерам никого не бывает. — Он вытянул под столом длинные худые ноги и поправил очки в роговой оправе. — А по-моему, здесь кипит жизнь и...эээ... бурлят страсти.

РАССКАЗ "СТАРИК В ОКНЕ" ВПЕРВЫЕ БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1936 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ "СТРЭНД".

THE OLD MAN IN THE WINDOW

THE STRAND MAGAZINE, 1936.

К бывшему инспектору вернулась присущая ему осторожность, и он оглянулся вокруг. На его вытянутом лице появилось привычное меланхолическое выражение.

— Должно быть, это место вошло в моду, — сказал он удрученно. — Вечно так бывает. Пойдет слух, что “У того-то” — миленькое заведение, тихое и недорогое, а дальше что? Не успеешь оглянуться, как на него слетается стая пучеглазых голубков, цены подсакаивают, а кормить начинают черт знает как. Вон тот тип едва ли захочет познакомиться с семьей свою спутницу.

Мистер Кэмптон, как бы невзначай глянув через плечо, заметил мужчину с тяжелым подбородком и рано полысевшей куполообразной головой, а рядом — кудрявую брюнетку с ярко-алыми губами и в серой шляпке. Он поспешно отвернулся.

— Это Марч. — Настроение Оутса снова улучшилось. — Совладелец крупной фабрики сценического оборудования. Забавно, что мы на него наткнулись. То, что я хотел вам рассказать, как раз его касается. Они снова на мели оказались, понимаете ли.

Еще чуть-чуть — и его голос услышали бы во всех углах небольшого, увешанного литографиями зала, и мистер Кэмптон попытался это предотвратить.

— Вы всегда так кричите, когда выпьете? — деликатно осведомился он. — Не шумите, я знаю этого человека. Мы с ним в одном клубе.

— Неужели? Я слышал, что для клубов сейчас настали трудные времена. — Оутс понизил голос, но не смутился. — Но не знал, что они теперь принимают кого попало.

Мистера Кэмптона, казалось, за дело это замечание.

— Насколько я знаю, в клубе его ценят и уважают. И вообще, может быть, это его жена.

— Да что вы? — развеселился Оутс. — Эта малышка танцует в клубе “Фриволитэ”, точнее, танцевала, пока их не закрыли на прошлой неделе. А кроме того, дружище, меньше чем через месяц у мистера Артура Марча свадьба с совсем другой женщиной. Хороший полицейский не упускает из виду ничего, даже светской хронике, именно поэтому я и сказал, что вы, любители, не уделяете внимания мелочам. Вы пропускаете все, что не относится к делу напрямую. Вот взять, к примеру, акционерное право...

Он внезапно замолк, в его печальных карих глазах вспыхнул интерес. От их столика был отлично виден вход, и Кэмптон, проследив за его взглядом, заметил девушку и молодого человека, вошедших в ресторан. Суперинтендант Станислав Оутс широко ухмыльнулся.

— Неплохо, — сказал он. — Это та самая девушка, с которой обручен Марч, — Дениз Уоррен. Тоже решила повеселиться со своим приятелем. Готов поспорить, они пришли, потому что слышали, что это тихое местечко. Марча они еще не заметили.

Мистер Кэмптон промолчал. Он смотрел на девушку. У нее была необычная внешность: рост выше среднего, очень светлые волосы, широко расставленные серо-голубые глаза и величественная осанка. Ее спутник — широкоплечий, крепкий молодой человек — выглядел старше всего на несколько лет. Его черты были не ли-

шены привлекательности, а в облике чувствовалась уверенность, необычная для такого возраста. Они нашли свободный столик и сели на виду у Кэмпiona и его гостя. Оутс был в восторге.

— Они вот-вот увидят друг друга. — В его голосе слышалось ребяческое озорство. — Кто это с ней? Вы его знаете?

Мистер Кэмпон нахмурился:

— Знаю. Это Руперт Филдинг, хирург. Он молод, но, говорят, мастер своего дела. Надеюсь, он не ищет приключений. Его профессия — одна из немногих, где все еще требуется соблюдение условностей.

Оутс усмехнулся:

— Еще один член клуба?

Кэмпон улыбнулся в ответ:

— Как ни странно, да. Проводит там все свободное время. Думаю, его присутствие успокаивающе действует на пожилых членов клуба.

Оутс снова посмотрел на девушку.

— Она далеко ходить не стала, а? Что это за прославленное место, ваш клуб? “Паффинс”?

— Нет. Столь же респектабельный, но менее известный. “Джуниор Грейз”, на Пэлл-Мэлл.

Оутс выпрямился на стуле.

— “Все страньше и страньше”, — сказал он. — Не там ли у окна всегда сидит старичок?

— Старик Розмари?

— Он самый. Одна из достопримечательностей Лондона. За последние лет пятьдесят ничуть не изменился. Забавно, я как раз собирался рассказать вам, что слышал о нем сегодня. Он вправду так стар, как говорят?

— В этом году исполнится девяносто.

— Серьезно? — Суперинтендант заинтересовался. — Конечно, я видел его десятки раз. Трудно его не заметить в этом огромном окне. С улицы он выглядит довольно молодо. Тощие вроде вас хорошо сохраняются. Как он вблизи?

Мистер Кэмпон задумался. Он был готов углубиться в любой предмет, который избавил бы его знакомых по клубу и их личную жизнь от неучтываемого внимания Оутса.

— К нему обычно не удается подойти близко, — ответил он наконец. — Этот эркер с окном — святая святых для старика. За спинкой кресла у него стоит ширма, да еще стол отделяет от остальной части комнаты. Я редко бываю в клубе настолько рано, чтобы застать его приход, но часто вижу, как он ковыляет к выходу — всегда в половине седьмого.

— Значит, он не слишком здоров? — не унимался суперинтендант. — Но при этом выглядит молодо? Простите, что так вас допрашиваю, — добавил он. — Не люблю отклонений от нормы. Насколько молодо он выглядит вблизи и при хорошем освещении?

Мистер Кэмпон колебался.

— Старик очень хорошо сохранился, — сказал он наконец. — Наверняка чего только с собой не делал.

— А, вся эта косметическая чепуха — омоложение, парики, зубные протезы, чтобы щеки впалыми не казались, понятно. — В голосе суперинтенданта зазвучало презрение. — В этом все дело. Терпеть не могу подобных трюков. Они и для пожилой женщины непристойны, а если речь о мужчине — это просто отвратительно.

Он помедлил и, очевидно подумав, что его слова могли показаться грубыми, великодушно добавил:

— Конечно, если вспомнить, что он был знаменитым актером, может, и не стоит судить его так строго. Он ведь стал одним из первых актеров, кто получил рыцарское звание, не так ли?

— Именно так. Сэр Чарльз Розмари, знаменитость восьмидесятых. Говорят, он был великолепен.

— А теперь целыми днями занят тем, что сидит у окна и пытается взглянуть на шестьдесят, — пробормотал суперинтендант. — Он и вправду сидит там каждый день с утра до вечера?

— Двадцать лет — без единого пропуса. — Мистер Кэмптон начал уставать от допроса. — Это уже стало доброй традицией. Появляется в клубе в одиннадцать и сидит до половины седьмого.

— Неужели! — выразительно отозвался Оутс, но вдруг резко добавил: — Вот и все, он ее заметил!

Мистер Кэмптон оставил попытки отвлечь его. Круглые тусклые глаза суперинтенданта вдруг осветились весельем.

— Пляньте на Марча, — сказал он. — Просто вне себя. Обычное дело для людей такой породы. Он, кажется, не понимает, что сам сидит в той же луже. Вам его видно?

— Да, в зеркале позади вас, — нехотя признался Кэмптон. — Его спутница оказалась не в самом приятном положении, верно?

— Уверен, она к такому привыкла, — весело заявил бывший инспектор. — Посмотрите-ка на него.

Артур Марч был зол и, кажется, не скрывал этого. Он выпрямился на стуле и, побелев от негодования, сверлил взглядом свою невесту и ее спутника.

Девушка в серой шляпке постаралась придать своему лицу безразличное выражение, но во взгляде ее читалась настроженность.

Кэмптон посмотрел на мисс Уоррен и поймал тот момент, когда любопытные взгляды посетителей привлекли ее внимание к разгневанному мужчине в другом конце зала. Она встретила с ним глазами и медленно покраснела. Затем прошептала что-то своему невозмутимому спутнику.

Оутс был весь внимание.

— Марч идет сюда, — сказал он внезапно. — Нет, передумал. Пишет записку.

Официанту, который нес записку, спешно нацарапанную на странице из записной книжки, казалось, было очень неловко, и он передал ее мисс Уоррен с извинениями. Она бросила на нее взгляд, покраснела еще сильнее и передала листок Филдингу.

Правильное, бесстрастное лицо молодого хирурга чуть потемнело, и, потянувшись к девушке, он что-то отрывисто сказал. Она помедлила, но потом посмотрела на него и кивнула.

Через секунду официант снова пересек комнату с легкой улыбкой на лице. Суперинтендант нахмурился.

— Что произошло? — спросил он. — Я не разглядел, а вы? Подождите минутку.

Прежде чем Кэмптон мог его остановить, Оутс поднялся с места и непринужденно прошел через зал,

Артур Марч был зол и, кажется, не скрывал этого. Он выпрямился на стуле и, побелев от негодования, сверлил взглядом свою невесту и ее спутника.

якобы желая достать трубку из кармана пальто, которое висело рядом со входом. Кружной путь, который он избрал, привел его прямо за спину Марча, когда тот получил записку от официанта.

Когда Оутс вернулся, на лице его сияла улыбка.

— Так я и думал, — торжествуяще провозгласил он, сев на место. — Она вернула ему кольцо, завернув в его собственную записку. О, это был достойный и сокрушительный ответ, что бы он там ни написал! Посмотрите-ка на него теперь... он что, собирается устроить скандал?

— Надеюсь, что нет, — выпалил мистер Кэмпиион.

— Нет, передумал и решил уйти. — Суперинтендант, казалось, был слегка разочарован. — Все же он разъярен. Пляньте на его руки. Просто трясется от злости. Слушайте, Кэмпиион, не нравится мне это. Он прямо вне себя от ярости.

— А вы не глазейте на него так, — посоветовал тот. — Вы собирались рассказать мне что-то невероятно увлекательное об акционерном праве.

Суперинтендант сдвинул брови, не отрывая взгляда от удаляющихся фигур в другом конце зала.

— Правда? Этот небольшой спектакль сбил меня с мысли, — рассеянно отозвался он. — Вот, они ушли, а эти двое остались как ни в чем не бывало. Что ж, конец мелодрамы. Мне понравилось.

— Я заметил, — горько промолвил мистер Кэмпиион. — Это, должно быть, стоило мне двух хороших знакомых, но какая разница, если вы счастливы? Две-три слезинки смоят случив-

шееся без следа, и не пройдет пары дней, как обо всем этом можно будет благопристойно забыть. Зато вам так понравилось...

Бывший инспектор тяжело посмотрел на него.

— Вы не правы, — сказал он. — Я не склонен верить в эти... когда предсказывают... как это называется?

— В пророчества? — со смехом предложил Кэмпиион.

— В пророчества, — удовлетворенно повторил Оутс. — Но я вас уверяю, Кэмпиион, у меня такое впечатление, что сцена, свидетелями которой мы стали, будет иметь далеко идущие последствия.

Оутс, конечно, покривил душой, но, что удивительно (как он сам отмечал впоследствии), был в то же время совершенно прав.

О помолвке между мисс Дениз Уоррен и мистером Рупертом Филдингом, членом Королевской коллегии хирургов, было объявлено в конце августа, по прошествии добавляющих шести недель после сообщения, что ее бракосочетание с мистером Артуром Марчем, сыном покойного сэра Джошуа Марча, не состоится, и к тому времени, как одним октябрьским утром мистер Кэмпиион шел по Пэлл-Мэлл в сторону "Джуниор Грейз", вся эта история уже отошла в далекое прошлое.

Был почти полдень, и солнце сияло в окна клуба — такие большие и прозрачные, что разодетые джентльмены за ними были больше похожи на экспонаты под стеклом, чем на наблюдателей, следящих за оживленным движением на улице.

Подойдя к зданию, мистер Кэмпиион ясно почувствовал, что чего-то не хватает. Он несколько мгновений простоял на тротуаре, изучая широкий фасад левого крыла здания, и лишь тогда понял, что именно изменилось. Он пришел в изумление. В большом кресле у центрального окна комнаты для отдыха Кэмпиион увидел вместо привычного величественного силуэта старика Розмари невысокого, полноватого джентльмена по фамилии Бриггз, который состоял в клубе всего каких-то десять или пятнадцать лет и уже заслужил всеобщую нелюбовь своей бестактностью и вульгарностью.

Предчувствуя беду, мистер Кэмпиион прошел через портик, выполненный в стиле братьев Адамов*, и его опасения тут же подтвердились, когда он увидел Уолтерса, старшего распорядителя, в слезах. Уолтерс был на редкость представительный мужчина шестидесяти пяти лет и славился своей сдержанностью, так что зрелище это вызывало изумление и неловкость. Завидев мистера Кэмпииона, он поспешно высморкался и пробормотал извинения, после которых прямо сказал:

— Его больше нет, сэр.

— Старика... То есть сэра Чарльза Розмари? — Мистер Кэмпиион был потрясен.

— Да, сэр. — Уолтерс мрачно шмыгнул носом. — Это случилось сегодня утром, сэр. Как ему бы и хотелось — в

том самом кресле, где он всегда сидел. Когда он вошел, мистер Марч и еще один-два джентльмена немного с ним побеседовали. Потом он задремал. Это был очень тревожный сон, но я не подумал ничего плохого, ведь он был так стар. Но когда где-то с час назад пришел мистер Филдинг, он сразу же заметил, что что-то не так, и позвал меня. Мы посадили сэра Чарльза в такси между нами и повезли домой. Он умер прямо на сиденье. Мистер Филдинг только что вернулся и сообщил нам. Еще два дня — и ему исполнилось бы девяносто. Такой удар. Словно конец эпохи, сэр. Я помню, как умерла королева, но даже тогда я такого не почувствовал. Он уже был здесь, когда я только начал работать в клубе — сорок лет назад, понимаете?

Мистер Кэмпиион с удивлением обнаружил, что и сам несколько расстроен. Уолтерс очень верно сказал: старик Розмари всем казался чем-то неизменным.

Войдя в комнату для отдыха, Кэмпиион заметил Филдинга, стоящего у восточного камина в окружении небольшой толпы людей, и присоединился к ней.

Профессиональное спокойствие Филдинга сослужило ему хорошую службу. Он рассказывал тихо и серьезно, не подчеркивая и даже, казалось, не ощущая, что волей случая оказался в центре внимания. Он кивнул Кэмпииону и продолжил говорить.

— Мистер Розмари так громко хрипел, что я решил подойти и осмотреть его, — рассказывал Филдинг. — Он был без сознания и не пришел в себя до самого конца. Это случилось, как вы знаете, в такси.

* Имеется в виду архитектурный стиль начала XVIII в., названный именем братьев-архитекторов Роберта (1728–1792) и Джеймса (1732–1794) Адамов. Этот стиль развивался в рамках неоклассицизма и пережил второе рождение в Викторианскую эпоху.

— У него была квартира на Довер-стрит, так ведь? — спросил кто-то.

Филдинг кивнул:

— Да, Уолтерс дал мне адрес. Мистер Розмари скончался раньше, чем мы доехали, и я знал, что больше уже ничего не могу сделать, поэтому позвал его камердинера, судя по всему, очень толкового человека. Мы положили его в кровать, и слуга сказал мне, что его личного врача зовут Филлипсон, так что я позвонил на Харли-стрит, а потом уехал.

— Уверен, сэра Эдгара это очень расстроило, — сказал неизвестный Кэмпionsу человек. — Они хорошо знали друг друга. Хотя он ведь был очень стар. Не думаю, что сэр Эдгар удивился. Очень старые люди часто умирают вот так, внезапно и мирно.

Толпа разбилась на небольшие группы, но, по мере того как к обеду подходили все новые члены клуба, каждая группка опять начинала разрастаться в толпу. Поведение мистера Бриггса — оккупация неприкосновенного кресла — вызвало всеобщее негодование, секретарь даже получил несколько жалоб. Врачное возбуждение, словно при серьезном бедствии, выплескивалось в курительной комнате, и в газеты, уже оповещенные одним из подчиненных Уолтерса, было сделано внушительное количество звонков.

Прямо перед обедом случился неловкий инцидент. Мистер Кэмпсион присутствовал при нем и был шокирован, как и девять десятых его соратников по клубу. Заявился Артур Марч и устроил сцену.

Все началось еще в холле, когда он услышал новость от привратника

Скрупа. Изумленные восклицания Марча донеслись до комнаты для отдыха раньше, чем он сам появился в дверях, бледный и взволнованный. Марч упал в кресло, рявкнул на официанта и, демонстративно отерев пот со лба, снова поднялся и прошел через всю комнату к Филдингу, стоявшему в обществе Кэмпionsа.

— Это ужасно, — начал он без предисловий. — Знаете, я только утром с ним говорил. Он, правда, был не в духе, но на вид казался вполне здоровым. Это ведь вы его нашли? Он... он не мучился?

— Ничуть, — коротко ответил Филдинг. Он явно был смущен, и Кэмпсион спросил себя, перемолвились ли эти двое хоть словом после той сцены в ресторане три месяца назад.

— Слава богу, — отозвался Марч с какой-то наигранной пылкостью. — Слава богу!

Он не сдвинулся с места, и хирург, поколебавшись, спросил:

— Он был вашим родственником?

Марч покраснел.

— Практически. Они с моим дедом были как братья.

Натянутость этого объяснения, очевидно, бросилась в глаза даже ему самому, и он попытался скрыть ее ничем не оправданной грубостью.

— Вам-то не понять настоящей преданности, — пробормотал он и развернулся на каблуках.

Филдинг проследил за ним взглядом, подняв брови.

— Что-то он не в себе... — начал он, но тут мистер Кэмпсион дотронулся до его рукава.

— Обед, — напомнил он.

После трапезы, ближе к концу того священного часа приятной сонливости, когда воздаются почести богам пищеварения, в “Джуниор Грейз” случилось первое необычайное происшествие со времен достопамятной осады клуба суфражистками*, о которой здесь никогда не упоминают. Кэмптион лениво следил за попытками сидящего поблизости епископа сосредоточиться на брошюре, которую тот держал на коленях, как вдруг слуга господень выпрямился в кресле и здоровый румянец сбежал с его полных щек.

В ту же секунду на другом конце комнаты сигара выпала изо рта генерал-майора Стакли Уивенхоу и покатилась по ковру.

Все как один ахнули, словно вздохнул огромный зверь, а в дальнем углу кто-то опрокинул чашку.

Мистер Кэмптион обернулся, приподнявшись на локте, и на несколько секунд застыл в этом весьма неудобном положении.

Через комнату медленно шел старик Розмари, как всегда безупречно элегантный.

В петлице у него была красная гвоздика, седая грива блестела, а на удивительно гладком, лишенном морщин лице играла обычная легкая улыбка.

За ним внушительно и важно вышагивал сэр Эдгар Филипсон, врач с Харли-стрит.

Это было потрясение такой силы, что клубу “Джуниор Грейз” потребо-

валось все его пресловутое достоинство до последней унции.

На полпути через комнату ново-прибывшим преградил дорогу мальчик, принесший свежие газеты. Увидев старика Розмари собственной персоной, он совсем потерял голову. Мальчик ткнул в старика экземпляром “Ивнинг уайр”.

— Тут... тут пишут, что вы умерли, сэр, — выпалил он.

Розмари взял газету и внимательно изучил, пока все ждали в остолбенелом молчании.

— Сильно преувеличивают, — сказал он в той отрывистой манере, которая всем им была так хорошо знакома. — Забери.

Он двинулся к своему креслу. Никто не видел, как оттуда исчез Бриггз. Одни уверяют, что он прополз за ширмой на четвереньках, другие — с более богатым воображением — утверждают, что он выпрыгнул в окно, и когда позже его обнаружили — в подвале, — бормотал что-то нечленораздельное. Как бы то ни было, исчез он тихо и мгновенно.

Старик Розмари сел и, подозвав оторопевшего слугу, заказал виски с водой.

Тем временем сэр Эдгар Филипсон окинул взглядом комнату, и Филдинг, бледный и ошеломленный, поднялся ему навстречу. Старший врач был суров.

— Вот в чем беда молодежи, Филдинг, — пророкотал он приглушенно, но достаточно громко, чтобы его слышали. — Слишком поспешные диагнозы. Всегда проверяйте, прежде чем действовать, мальчик мой. Проверьте.

* Суфражистки (от англ. *suffrage* — “избирательное право”) — сторонницы движения за политическое равноправие женщин с мужчинами, распространившегося в конце XIX — начале XX в.

И он отошел — статный пожилой джентльмен, чрезвычайно довольный собой.

Филдинг беспомощно обвел взглядом комнату, но все избегали смотреть ему в глаза. Мистер Кэмпцион, единственный сочувствующий, глядел на старика Розмари, на здоровый блеск его глаз и румянец на щеках.

Филдинг молча вышел из комнаты.

Мистер Кэмпцион этим вечером поужинал в одиночестве у себя на Боттл-стрит и был занят небольшим отчетом о своем участии в “Деле о желтых ботинках”, которое только что было успешно распутано. Его прервал приход Филдинга. Молодой хирург был смущен и не стал этого скрывать. Он сконфуженно остановился посреди кабинета и поспешно извинился.

— Мне ужасно неловко так злоупотреблять нашим знакомством, Кэмпцион, — сказал он. — Но я чертовски запутался. Понимаете, этот старик Розмари, он ведь утром был мертвее мертвого.

Мистер Кэмпцион взял графин.

— Давайте сядем, — сказал он. — И нервы успокоятся, и ноги отдохнут. Полагаю, этот случай повредит вашей... эээ... профессиональной репутации?

На правильном, серьезном лице Филдинга появилась слабая улыбка облегчения.

— Катастрофически, — ответил он, принимая протянутый Кэмпционом стакан. — Видите ли, что получается: Руперт Филдинг такой блестящий хирург, что не может отличить живого от мертвого... Все уже в курсе. Мне конец. Некомпетентность плоха

в любом деле, в моем же — фатальна. Но он ведь был мертв, — беспомощно добавил хирург. — По крайней мере, я так считал. Сердце остановилось, и я проверил дыхание на зеркале, когда привез его домой. Конечно, в наши дни случаются чудеса, но творит их не старик Филипсон. По крайней мере, вчера я был в этом уверен. Странно, не правда ли?

— Да, необычно, — медленно произнес мистер Кэмпцион. — А что именно вы подразумеваете под современными чудесами?

*Все как один
ахнули, словно
вдохнул
огромный зверь,
а в дальнем углу
кто-то опрокинул
чашку...
Через комнату
медленно шел
старик Розмари,
как всегда
безупречно
элегантный.*

— Ну, электрический ток и все такое прочее, — расплывчато ответил Филдинг. — Понимаете, — добавил он откровенно, — я не терапевт. Я хирург. Конечно, терапию я изучал, но это не мое призвание. В лекарствах я не разбираюсь.

Мистер Кэмптон поднял взгляд, за стеклами очков его светлые глаза смотрели вопросительно.

— Вы думаете, старик мог принять нечто такое, что вызвало состояние, похожее на смерть? — предположил он.

Молодой человек твердо смотрел на него.

— Знаю, это звучит надуманно, — сказал он, — но это единственное объяснение, которое приходит мне в голову, хотя понятия не имею, что именно он мог принять. Понимаете, самое ужасное — я ничего не сделал для его спасения. Просто подумал: “Он умер”, — и, решив, что надежды нет, позвонил Филипсону, как требует врачебная этика.

— Понимаю, — серьезно произнес мистер Кэмптон. — Но чего вы хотите от меня?

Филдинг замялся.

— Если вы выясните, что на самом деле произошло, то спасете хотя бы мой разум, — сказал он просто, без малейшего оттенка драматичности в голосе. — Боюсь, подобное пятно на репутации мне не смыть — по крайней мере, в ближайшие несколько лет. Но, Кэмптон, мне нужно знать, хватку я теряю или рассудок. Мне нужно знать, как случилось, что я совершил такую невыносимую ошибку.

Мистер Кэмптон взглянул на молодого человека. Тот держался с до-

стоинством, ничем не выдавая бушевавшее в нем волнение. Внезапно почувствовав симпатию и вместе с тем интерес, он хотел уже ответить, но тут Филдинг продолжил.

— Есть и другие осложнения, — сказал он смущенно. — Понимаете, я помолвлен с внучкой старика Розмари, и если я скажу вам, что она его основная наследница, вы поймете, как чудовищно неудобно все получилось.

— Ну и ну, вот незадача! — Мистер Кэмпнион даже присвистнул.

— Еще какая, — уныло отозвался Филдинг. — И это еще не все. Она ведь разорвала помолвку с Артуром Марчем из-за меня, и у него хватило наглости позвонить ей почти сразу же, как все это произошло. Я видел его сегодня вечером и, честное слово, понять не могу, что с ним. Знаю, я совершил ужасающую ошибку. Старик Розмари имеет полное право подать на меня в суд. Но почему-то именно Марч воспринял это как личное оскорбление. Отчитал меня, как мальчишку, а ведь он, в конце концов, всего лишь внук друга семьи. Они даже не родственники. Но мне нечего было ему возразить, я ведь сам оказался безнадежно неправ.

Мистер Кэмпнион задумался.

— Сегодня днем, когда старик вошел, я обратил внимание, как хорошо он выглядит.

Филдинг криво усмехнулся.

— Это вы его вблизи не видели, — ответил он. — Я видел, когда ехал с ним в такси. Пустое тщеславие, но страшно представить, какую уйму времени его камердинер, должно быть, тратит на то, чтобы приготовить его к выхо-

ду. Наверное, это продолжается уже столько лет, что незаметно накопилась целая куча мелких ухищрений, и то, что, наверное, вначале было накладкой, теперь стало почти полноценным париком. Не думаю, что вы смогли бы заметить хоть какие-то последствия лекарства, даже если бы они и были. Но хватит мне болтать. Так как, возьметесь вы за это дело?

Мистер Кэмпнион ответил уклончиво.

— Я попытаюсь, — сказал он. — Но не могу ничего обещать. Звучит все это довольно невероятно.

Но все же на следующее утро он появился в “Джуниор Грейз” намного раньше обычного. Он отыскал Уолтерса и загнал его в угол в пустой курительной комнате. Уолтерс был в настроении поговорить.

— Да, настоящий скандал, сэр, — согласился он. — Кошмар. С позволения сказать, мы привыкли доверять врачам. Но лучше дюжина скандалов, чем смерть сэра Чарльза. Да, он уже здесь, пришел в обычное время и в хорошем настроении.

— Интересный феномен — эти его перепады настроения, не правда ли? — улыбнулся мистер Кэмпнион.

— Он ведь уже стар, сэр, — снисходительно ответил Уолтерс. — Бывают дни, когда он на всех огрызается, угрюмо смотрит в газету и не разговаривает, но я не обращаю на это внимания, потому что знаю: завтра он снова будет очаровательным стариком и для каждого у него найдется кивок и улыбка. Я всегда узнаю, в каком он настроении, по тому, как он заказывает виски, когда приходит. В хорошие дни это виски с водой, в

угрюмые — виски с содовой, так что я, понимаете ли, всегда в курсе.

Мистер Кэмпиион поблагодарил его и отошел. Он почему-то очень по-мрачнел, в глазах за очками в роговой оправе читалась тревога.

Он сошел вниз к телефону и позвонил Оутсу. Меньше чем через двадцать минут они с суперинтендантом ехали в такси в направлении Флит-стрит. Станислав Оутс был хмур, как обычно. Та несколько неуклюжая веселость, которая владела им тогда в мясном ресторане, испарилась без следа. Этим утром он был немного раздражен.

— Надеюсь, это не охота на ведьм, Кэмпиион, — заявил он, когда кэб свернул на набережную. — Вы ведь знаете, я человек занятой, и мне не пристало бросать профессиональные обязанности ради увеселительных прогулок.

Кэмпиион повернулся к нему, и Оутса удивило, каким серьезным было его лицо.

— Мне кажется, сегодня вам при всем желании не удастся забыть о своих профессиональных обязанностях, — мрачно ответил он. — Мы на месте. Подождите здесь.

Кэб остановился в узком дворике, у облупившегося здания, и суперинтендант проводил взглядом своего удаляющегося спутника. Тот исчез в дверях офиса “Закулисья”, известного театрального еженедельника, знаменитого объявлениями о премьерях и колонками сплетен.

Кэмпиион отсутствовал совсем недолго, но возвратился довольным. Он дал водителю адрес в Стретэме и забрался на заднее сиденье рядом с другом.

— Теперь все ясно, — сказал он коротко. — Мы еще успеем вмешаться, хоть, конечно, самое плохое уже случилось. Но зачем все это? Вот чего я не понимаю. Не только же ради того, чтобы дискредитировать Филдинга, — шансы, что все случится именно так, были мизерные.

— Может, вы перестанете изображать испорченный телефон и объясните? — недовольно проговорил Оутс. — Что вы добились в этой богом забытой дыре?

Кэмпиион посмотрел на него так, словно только что вспомнил о его существовании.

— Его адрес, естественно, — коротко ответил он.

Такси наконец свернуло на широкую улицу в пригороде, где каждый дом в точности походил на соседние — красный кирпич, белая штукатурка и солидная краска цвета темного шоколада.

Мистер Кэмпиион прошел к двери по короткой мощеной дорожке, Оутс бросил взгляд на окна с задернутыми шторами и поспешил за ним, забыв о раздражении.

Дверь им открыла маленькая женщина в черном, с седыми волосами, собранными в тугий пучок на затылке. Лицо у нее было в пятнах, глаза покраснели.

— Мистер Ноуэлл? — отозвалась она на вопрос Кэмпииона и, торопливо достав платок, залилась слезами.

Мистер Кэмпиион был с ней очень мягок.

— Простите, — сказал он. — Мне не стоило так о нем спрашивать. Он ведь умер, я прав?

Она внимательно посмотрела на него.

— А, вы из полиции, да? — неожиданно спросила она. — Доктор предупреждал, что будет дознание, раз смерть такая внезапная. Просто ужасно. Он так долго тут жил.

Она пропустила их в маленький холл. Суперинтендант понимал, что они проникли сюда обманом, но не было смысла сейчас вдаваться в объяснения.

— Когда вы его нашли? — осторожно спросил Кэмпцион.

— Только утром, когда пошла отнести ему чай. — Ей явно хотелось выговориться. — Он, должно быть, умер ночью, так доктор сказал. Очень подробно расспрашивал. “Ну, в десять часов он был жив, — говорю. — Я с ним разговаривала”. Я всегда ложусь в четверть десятого, и мистер Ноуэлл не хотел, чтобы я дожидалась его прихода. У него был свой ключ, и кто-нибудь всегда помогал ему подняться.

Она сделала паузу, чтобы перевести дыхание, и Кэмпцион ободряюще кивнул.

— Так вот, — продолжила она. — Вчера, только я погасила свет в спальне, как слышу — остановился автомобиль и дверь открывается. “Это вы, мистер Ноуэлл?” — говорю. “Да, миссис Белл. Доброй ночи”. А чуть позже мотор вдалеке затих.

— Водитель поднимался вместе с ним? — перебил ее Оутс.

Миссис Белл повернулась к нему:

— Не знаю, был ли это водитель, сэр, да только кто-то поднимался. Ему ведь было почти восемьдесят, и джентльмену, который с ним при-

ехал, ничего не стоило помочь ему подняться в комнату.

— Пожалуйста, можно нам его увидеть? — мягко попросил мистер Кэмпцион.

Миссис Белл снова заплакала, но позже, когда они обнажили головы в просторной спальне и взглянули на неподвижное худое тело на постели, она заговорила тихо и с гордостью:

— Ах, видели бы вы его раньше! Он был такой красивый со своей седой гривой, тростью и цветком в петлице. Так гордился своей внешностью. Кучу времени и денег тратил на себя, да-да. Он что-то такое делал со щеками, чтобы они не вваливались, не знаю даже что.

Кэмпцион наклонился к ней и что-то прошептал. Миссис Белл с сомнением покачала головой.

— Фотография, сэр? — повторила она. — Нет, этого, пожалуй, у меня нет. Удивительно, он не разрешал себя фотографировать, а ведь так любил покрасоваться. Конечно, в этом нет ничего дурного. А впрочем, погодите. Кажется, есть у меня одна фотография, я как-то сфотографировала его в саду, когда он не видел. Сейчас принесу.

Как только они остались одни, Кэмпцион наклонился к старику на кровати и аккуратно приподнял ему веко.

— Да, я уверен, — проговорил он медленно. — Филдинг не виноват, что не понял. Смерть выглядела совершенно естественной, учитывая возраст бедняги. Позовите сейчас сюда ваших людей и проведите анализ на сульфат морфия, уверен, результат получите положительный, если поторопитесь.

Только суперинтендант собрался задать вопрос, как вернулась миссис Белл с выцветшей фотокарточкой в руках. Они прошли в маленькую светлую комнату в задней части дома.

— Вот он, — гордо указала она. — Повезло, что удалось найти. Это я сняла еще прошлым летом. Он тогда не так часто бывал в Лондоне.

— Чем он занимался в Лондоне? — спросил мистер Кэмпион, держа фотографию изображением вниз, к неудовольствию суперинтенданта.

Миссис Белл, очевидно, почувствовала себя неловко.

— Я и не знаю, — ответила она. — Он обычно говорил, мол, присматривает за делами в конторе племянника, но мне кажется, он бывал в какой-нибудь шикарной библиотеке, знаете, есть такие люди, которые просто сидят и создают атмосферу респектабельности. “Красят место”, можно это так назвать.

— Забавная мысль, — улыбнулся Оутс. — Никогда не слышал, чтобы это делали в библиотеке.

— Ну, значит, у дорогого портного, — не отступилась она. — Мне показалось, я видела его один раз в окне дома в Вест-Энде. Он ничего не делал, просто сидел там и чудесно выглядел. Я, конечно, попыталась расспросить об этом, но он очень рассердился и взял с меня слово, что я больше об этом не заговорю.

Звонок в дверь прервал ее, и, извинившись, она поспешила открывать.

Оутс повернулся к Кэмпиону.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Вам придется объяснить.

Кэмпион протянул ему карточку, и он взглянул на небольшое изобра-

жение высокого, стройного, предстательного джентльмена, идущего по гравию дорожки в крошечном садике.

— Старик Розмари! — воскликнул суперинтендант и в замешательстве посмотрел на друга. — Боже мой, Кэмпион, кто лежит в соседней комнате?

— Джон Ноуэлл. Он был дублером сэра Чарльза Розмари в театре “Лицедей” тридцать лет назад — и, видимо, остался им, — спокойно объяснил мистер Кэмпион. — Признаюсь, сначала эта идея показалась мне невероятной, — продолжал он. — Но потом, когда я разобрался получше, все встало на свои места. Почти шестьдесят лет назад Ноуэлл получил работу, потому что был похож на Розмари. Тогда ему было двадцать. Розмари был почти десятью годами старше, но они походили друг на друга и фигурой и лицом. С тех пор Ноуэлл всю жизнь подражал великому актеру. Он копировал его походку и манеры, и чем старше они становились, тем больше становилось сходство. Розмари использовал различные средства, чтобы выглядеть моложе, а Ноуэлл — чтобы походить на Розмари.

— Да-да, это я понял, — нетерпеливо сказал суперинтендант. — Но, господи, зачем?

Мистер Кэмпион пожал плечами.

— Тщеславие трудно объяснить, — отозвался он. — Но Розмари богат, и думаю, он не пожалел бы усилий нанять кого-то, тем более уже готового дублера, чтобы тот сидел в “Грейз” и поддерживал миф о его несокрушимом здоровье. Если Розмари не мог пойти в клуб, вместо него отправлялся Ноуэлл. Если задуматься, то

представить, что Розмари проводил в "Трейз" каждый день с утра до вечера в течение двадцати лет, даже труднее, чем принять такое объяснение.

Оутс все глядел на фотографию.

— Ладно, сходство я допускаю, — сказал он внезапно. — Теперь, когда посмотрел на того, в соседней комнате. Но что, если ему приходилось говорить?

— Не приходилось, — ответил Кэмптон. — По крайней мере, очень редко. Последние несколько лет Розмари был подвержен приступам дурного настроения. В хорошие дни он был самим собой. В плохие — почти всегда угрюмо молчал. Если честно, именно эти приступы и навели меня на мысль о Ноуэлле. Уолтерс рассказал мне сегодня утром, что в хорошие дни Розмари пил виски с водой, а в дурные — виски с содовой. Я знал людей, которые пили виски с бульоном, когда жизнь заставляла, но таких, кто не отдавал бы предпочтения чему-то одному, не встречал. Поэтому я подумал, что это должны быть два разных человека, и сразу же мне на ум пришел дублер, ведь имитация была безупречна. Я заглянул в редакцию "Закулисья", и мне повезло застать Беллью — он специализируется на сплетнях о старых актерах. Я спросил, были ли у Розмари постоянный дублер, и он тут же выдал мне имя и адрес.

— Четко сработано, — задумчиво признал суперинтендант. — Весьма. Но мы-то что здесь делаем и где преступление?

— Это, вообще-то, убийство, — кротко заметил мистер Кэмптон. — Вчера утром некто подлил бедняге

что-то в виски с содовой, считая, что имеет дело с Розмари. В клубе Ноуэлл впал в кому, и юный Филдинг, наш хирург, видя, что старик совсем плох, повез его домой. В такси тот умер. Отравление сульфатом морфия дает точно такие же симптомы, как острая сердечная недостаточность, и Филдинг посчитал, что все ясно, оставил тело слуге Розмари на Довер-стрит, позвонил сэру Эдгару Филипсону и удалился, как и подобает примерно-му доктору. Конечно, когда Филипсон прибыл, его встретил сам Розмари в полном здравии. Думаю, тело Ноуэлла оставалось на Довер-стрит весь день, а вечером, когда миссис Белл уже должна была лечь, камердинер с помощью водителя Розмари привез его сюда. Они доставили его прямо в комнату, как бывало и раньше, и уехали.

— А как же голос? — возразил суперинтендант. — Он говорил с хозяйкой, она сама сказала.

Кэмптон взглянул на него.

— Думаю, — медленно произнес он, — старик Розмари тоже приехал, на всякий случай. Понимаете, после стольких лет лицедейства голос Ноуэлла был копией голоса Розмари.

— В девяносто лет? — воскликнул суперинтендант. — Такие железные нервы в девяносто?

— Кто знает, — отозвался мистер Кэмптон. — Вероятно, без железных нервов до девяносто не доживают.

Оутс посмотрел на дверь.

— Что-то ее долго нет, — сказал он. — Не от коронера ли там пришли...

Он вышел на узкую лестничную площадку, Кэмптон пошел следом, и тут же миссис Белл открыла дверь

спальни покойного и выпустила в коридор мужчину с побледневшим лицом.

— Я ничего больше рассказать не могу, сэр, — твердо говорила она. — Может быть, вам спросить вот этих джентльменов из полиции?

Больше она ничего не успела сказать. С нечленораздельным возгласом мужчина повернулся, и свет из окошка на лестничной площадке упал ему на лицо. Это был Артур Марч. Его впившиеся в Кэмпiona глаза сузились, на висках взбухли узловатые вены.

— Ты... вечно ты везде суешь свое рыло! — воскликнул он вдруг и бросился вперед.

Кэмпцион едва успел отразить нападение. Когда пальцы Марча сомкнулись на его горле, он ударил противника коленом под дых. Марч упал на шаткую балюстраду, которая от неожиданной тяжести сломалась, и полетел вниз, на ступени, а Кэмпцион рухнул следом.

Энергичный стук во входную дверь, возвестивший о приходе помощника coronера, усилил всеобщую суматоху, и суперинтендант с живостью, удивительной при его несколько грузной фигуре, прыгнул вниз, к дерущимся на ступеньках мужчинам.

Почти три часа спустя мистер Кэмпцион сидел в кабинете суперинтенданта в Скотленд-Ярде и мягко увещевал его:

— Все это замечательно, вы арестовали Марча по обвинению в нападении, — говорил он, — но вам его не посадить. Вы не докажете ни покушения на Розмари, ни убийства Ноуэлла.

Станислав Оутс, скрестив руки, сидел за столом. Он был очень доволен.

— Не докажем, думаете? — переспросил он.

— В общем, — рассудительно продолжил мистер Кэмпцион, — не хочется подрезать вам крылья, но что у вас есть? Уолтерс покажет под присягой, что вчера утром Марч попросил у него разрешения самому отнести Розмари виски. Он будто бы хотел найти повод заговорить со стариком, который был в дурном настроении. Значит, возможность у него была, но в суде это немного значит. Еще вы можете сказать, что Марч понял свою ошибку и, проделав те же умозаключения, что и я, нашел Ноуэлла. И вы можете доказать, что он на меня напал. И все. Его оправдают. В конце концов, зачем Марчу убивать Розмари? Из-за того, что внучка старика отказалась за него выходить?

— Это не так абсурдно, как вы думаете, мальчик мой, — отечески снисходительно проговорил Оутс. — В сущности, если бы Дениз Уоррен вышла за Артура Марча, Розмари ничто бы не угрожало.

Мистер Кэмпцион внимательно смотрел на суперинтенданта, и тот продолжил с довольным видом:

— Помните, как мы праздновали в ресторане Бенджамина мое повышение?

— Отлично помню. Вы напились и выставили нас на посмешище.

— А вот и нет, — возмутился Оутс, — я проявил наблюдательность и осведомленность. Я обратил внимание, что мисс Уоррен разорвала помолвку с внуком старого друга Розмари, сэра Джошуа Марча, и попытался сооб-

щить вам кое-какие факты. Но вы меня не слушали. Помните, я говорил, что вы, любители, собираете слишком мало информации? Помните, я говорил об акционерном праве?

— Припоминаю, — признал мистер Кэмпион.

Суперинтендант заговорил спокойнее.

— Вам известно, что небольшие компании часто берут ссуды под залог страховки жизни одного из руководителей с целью получения крупной суммы в короткий срок?

— Да, я слышал о таком. Но страшует свою жизнь обычно партнер, разве нет?

— Не всегда. В этом-то все и дело. — Оутс просиял. — Если ни один из партнеров не соответствует требованиям, часто страховку оформляют на имя младшего сотрудника или даже на не связанного с фирмой человека, если он, как они выражаются, “надежный объект страхования”. Смотрите, Кэмпион... — Оутс облокотился на стол. — Больше шестидесяти лет назад “Аллан Марч и Сын” — первый сэр Джошуа был тогда еще сыном — оказались на мели, и им понадобился страховой полис на шестьдесят тысяч фунтов, чтобы брать под него займы. Аллан Марч был стариком, а у Джошуа было слабое сердце. Им нужен был надежный объект, понимаете, чтобы платить взносы поменьше — сумма-то ведь огромная. Розмари и Джошуа были тогда друзьями, и Розмари подходил идеально. Здоровье у него было отличное, привычки умеренные, да к тому же он был знаменитостью — завидным клиентом.

Оутс сделал паузу, и Кэмпион кивнул:

— Продолжайте. Я слежу за вашей мыслью.

— Так вот, “Марч и Сын” обратились в “Страховой Кооператив” — недавно открывшуюся фирму, одну из этих бойких новомодных страховых компаний, которая согласилась на очень низкие взносы по причине известности Розмари и, конечно, его крепкого здоровья. Он согласился сыграть свою роль в этом деле, то есть позволил себя застраховать, чтобы выручить друга из беды. Но шутки ради сделал оговорку. “Если я доживу до девяноста лет, — сказал он, — вы вернете мне страховой полис”. В то время никто не воспринял это требование всерьез, ведь даже самые крепкие викторианцы обычно и близко не подбирались к этой цифре, и в любом случае “Марча и Сына” тогда интересовали немедленные выгоды. Как бы там ни было, они согласились и скрепили договор подписями и печатями.

— “Марч и Сын” не аннулировали страховку?

— Ты... вечно ты
везде суешь свое рыло! —
воскликнул он вдруг
и бросился вперед.

— О нет. — Суперинтендант следил за выражением лица Кэмпiona. — Не думаю, что им хотелось возвращать все деньги, которые они заняли под залог страховки, к тому же где бы еще они нашли такое обеспечение займа, ведь страховые взносы были предельно низкими. Вот теперь вы в курсе всего. Вы могли бы узнать еще летом, если бы меня выслушали. Все как на ладони, правда?

Мистер Кэмпion моргнул.

— Если бы старик Розмари умер, не дожив до девяностолетия, — сказал он наконец, — тогда то, что осталось от этих шестидесяти тысяч, получили бы "Марч и Сын". Но если он проживет до послезавтра, эти деньги отойдут к нему и Дениз Уоррен.

— Девяностолетие уже завтра, да? — сказал Оутс. — Марч ходил по

лезвию ножа. Наверное, надеялся, что невеста вернется к нему и он получит деньги через нее. Ну, дружище, что вы теперь скажете?

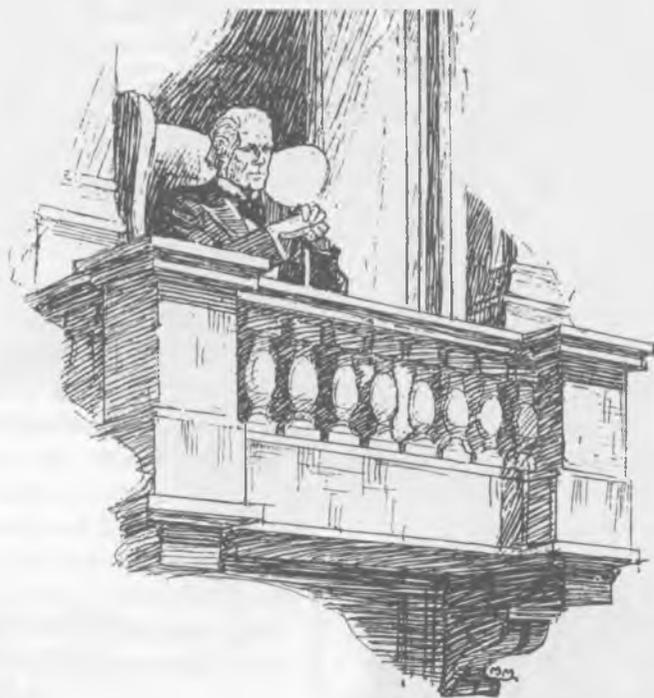
— Ничего, — добродушно отозвался Кэмпion. — Ничего, вот только акционерное право тут ни при чем, вам не кажется? Это скорее страховое.

Оутс пожал плечами.

— Может, вы и правы, — небрежно ответил он. — Я — не энциклопедия и университетов не кончал. Но все же, — добавил он со смешком, — нам нравится думать, что мы, профессионалы, чего-то стоим, понимаете ли. Вы, любители, тоже иногда неплохо справляетесь, но, если нужна тщательная работа, мы вас всех обставим.

Мистер Кэмпion ухмыльнулся:

— Ну что ж, старина, человеку нужно во что-то верить.

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ **ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА**

Главный редактор Варвара Горностаева
Художники Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев
Ведущий редактор Ирина Кузнецова
Редакторы Александра Борисенко, Игорь Мокин
Ответственный за выпуск Мария Косова
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Наталия Усольцева

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Согрус"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитуры "BookmanС" и "FranklinGothicС"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3659/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт"
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы "АСТ" обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

9 785271 385339

